

ХРОНИКА

Новые раскопки Саркела — Белой вежи

Волго-донская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР возобновила прерванные ещё до войны раскопки замечательного городища возле хутора Попова, на левом берегу Дона, поблизости от станицы Цымлянской. Это городище давно уже привлекает внимание археологов как наиболее вероятные остатки хазарского города Саркела, выстроенного в 834 г. при участии византийских инженеров. Некоторые историки, правда, полагают, что Саркел находился где-то в районе Качалинской — Калача, в месте наибольшего сближения Дона с Волгой, рассматривая этот город как качество важнее звена на речном пути из Чёрного моря в Каспийское. Этого мнения придерживается и автор последнего по времени исследования о местоположении Саркела К. В. Кудряшов, основываясь на анализе указаний, содержащихся в извесном «Хождении» епископа Пимена по Дону в 1389 году. Однако в районе волока из Дона в Волгу нет городища, которое бы соответствовало признакам Саркела, устанавливаемым на основании сведений о его построении, содержащихся в сочинении византийского императора Константина Порфирородного.

Зато эти признаки мы полностью наблюдаем у городища близ хутора Попова. Оно представляет собою остатки единственной на Дону кирпичной крепости со множеством архитектурных фрагментов византийско-херсонесского происхождения. К этому надлежит добавить, что время существования поселения, остатками которого является городище у хутора Попова, полностью соответствует датам, относящимся к Саркелу — Белой веже. В свете бесспорных археологических данных оказывается, что сведения о местоположении Саркела в «Хождении» Пимена не соответствуют действительности, а также, что этот город был выстроен вовсе не для господства над перволокою из Дона в Волгу, а совершенно другом месте и для других целей.

Главное внимание экспедиции в текущем году было обращено на исследование оборонительных сооружений Саркела. С этой целью были раскрыты крепостные стены на протяжении более 150 метров. Скончательно установлено, что кирпичная крепость представляла собою прямоугольник длиной около 200 м и шириной в 150 м, образованный массивными сплошной кладки четырёхметровой толщины кирпичными стенами, усиленными угловыми квадратными башня-

ми и башенными выступами вдоль стен, расположенными на расстоянии 32 м один от другого. Для строительства употреблялся хорошо обожжённый кирпич квадратной (25 × 25 см) формы толщиной в 5—6 см. На возведение одних только оборонительных сооружений Саркела должно было потребоваться около шести миллионов таких кирпичей. Подтверждены сведения Константина Порфирородного, что эти кирпичи изготовлялись на месте: вблизи развалин Саркела, в обрыве коренного берега реки, до сих пор сохранились остатки многочисленных обжигательных печей с грудами разбитых и испорченных при обжиге кирпичей. Детальное исследование этих печей будет произведено экспедицией в будущем году.

Можно вообразить, какую величественную картину представляла кирпичная крепость, тяжёлой громадой возвышавшаяся на низком, плоском берегу широкой реки, среди степных безграничных просторов! Её высокие, увенчанные зубчатыми парапетами стены и башни издали, за много километров, чётким контуром вырисовывались перед путниками. Подходы к крепости с napольной стороны преграждались широким, наполненным водою рвом и могучим земляным валом. Второй глубокий и широкий ров шёл вдоль юго-западной стены кирпичной крепости, отделяя береговой мыс, на котором она была воздвигнута, от обширного внешнего двора, находившегося между ним и первой земляной линией обороны. Этот двор мог служить для помещения караванов и крупных воинских соединений, для которых не находилось места в кирпичной крепости.

Кирпичные сооружения Саркела обращают на себя внимание поразительной для своего времени геометрической правильностью очертаний и точностью кладки, в которой для сдвигания швов применялись кирпичи половинного сравнительно с обычными размера. Это тем более замечательно, что ни размеры кирпичей, ни техника кладки не носят признаков, характерных для византийского строительства. Кирпичи здесь значительно толще византийских, в цемянке нет характерной примеси толчёного кирпича, и слой её между рядами кладки значительно тоньше, чем было принято в Византии. Во всём этом проявляется какая-то другая, возмозжно среднеазиатская, традиция, укореившаяся в Хазарии до появления здесь византийских инженеров. В чём заключалась роль византийского спафарокандидата

Петроны в строительстве Саркела, предстоит выяснить дальнейшими раскопками. Пока ясно, что строителями крепости были не византийские мастера.

С другой стороны, ясно, что в период тесных, дружественных отношений между Византией и Хазарией первая была в особенности заинтересована в укреплении власти каганата в Причерноморье, где обитали ещё политически связанные с хазарами мадьяры и куда прорвались одинаково опасные и для Византии и для Хазарии печенеги. Саркел должен был сыграть важную роль в качестве опорного пункта хазар на главном пути из центральных областей Хазарии на запад — в причерноморские степи и Среднее Полноепровье. Этот путь пересекал Дон в районе нынешней станицы Цымлянкой, и Саркел был расположен именно на этом сухопутном пути, а не на речной дороге из Дона в Волгу. Охрана последней могла быть только второстепенной задачей хазарской крепости, да и то лишь позже, когда Волго-Донской путь действительно приобрёл некоторое значение. Миссия Петроны носила скорее всего политический, а не технический характер. Привезённые Петроною из Херсонеса мраморные архитектурные детали явно предназначались для украшения христианского храма и, вероятно, были употреблены по прямому назначению. Храм в Саркеле должен был явиться вещественным выражением политических интересов Византии на Дону и её влияния в Хазарии. Следует, однако, заметить, что храм этот, если он действительно был построен, просуществовал очень недолго. Мраморные архитектурные детали его в виде капителей и колонн находятся во вторичном залегании в разных частях городища и притом в отложениях ещё хазарского времени. При раскопках 1949 г. мраморная коринфско-византийская капитель, сильно пострадавшая в огне, была обнаружена близ западного угла крепости, в самых нижних отложениях культурного слоя.

Известно, что гарнизон Саркела состоял из 300 человек и ежегодно сменялся. Гражданского населения в крепости первоначально, видимо, не было. Во всяком случае, при раскопках городища до сих пор найдено очень мало вещей, относящихся к IX в., а обнаруженные остатки древнейших жилищ, возведённых возле крепостной стены на материке, относятся ко времени не ранее начала X века. Гарнизон крепости помещался в кирпичных зданиях, выстроенных вместе с оборонительными стенами и, видимо, занимавших относительно небольшую часть крепости. Только небольшая часть одного из таких зданий обнаружена раскопками в южном углу крепости. Исследование их остаётся важнейшим делом экспедиции в будущем году.

В отличие от немногочисленных помещений для гарнизона гражданские постройки весьма тесно заполняли крепость внутри и выходили за стену к северо-западу от неё. Постройки эти были лёгкими — из дерева, глины и камыша или соломы. Хорошо со-

хранились плотно утрамбованные земляные полы, и в одном случае почти полностью уцелела глинобитная сводчатая печь, поставленная прямо на полу и имевшая, кроме устья, круглое отверстие сверху, которое после топки, вероятно, закрывалось деревянной крышкой. Замечательно, что уже в древнейших гражданских постройках широко применялись кирпичи, взятые из первоначальных построек крепости. Такие кирпичи с присохшим к ним известковым раствором встречаются, например, в стенках отмеченной выше печи, в качестве пода и других печак, в виде вымосток, подкладок и т. п. Ясно, что ко времени сплошного заселения крепость была уже частично разрушена, хотя оборонительные стены её ещё стояли; к ним изнутри крепости пристраивались дома жителей Саркела.

Интересным памятником одного из военных эпизодов в жизни крепости до её заселения гражданским населением является обнаруженный раскопками подкоп под северо-западной стеной. Над входом в подкоп изнутри крепости имеется земляной пол жилища начала X века. Следовательно, подкоп был выкопан ещё в IX в., может быть, вскоре после построения крепости, и, несомненно, служил для выхода из крепости, вероятно, для вылазки против осаждавших её врагов. По миновании надобности подкоп был плотно забит кирпичами и камнями и засыпан землёй. В самом конце подкопа снаружи крепости обнаружен скелет человека, лежащий в специальном углублении, в положении, не свойственном правильному погребению, и заброшенный кирпичами. Надо думать, что это скелет человека, погибшего во время вылазки и затем спешно, кое-как погребённого в самом подвале, при засыпке последнего. Особого внимания заслуживает кусочек бумаги, найденный при скелете и сохранившийся благодаря консервирующему действию оказавшегося возле скелета порошка сурьмы или сурика.

Важнейшим видом хозяйственной деятельности постоянного населения Саркела было земледелие. Об этом наглядно свидетельствуют обнаруженные, часто огромные, зерновые ямы со стенками, тщательно обмазанными глиной; ямы находились возле каждого жилища и за сравнительно непродолжительное время существования города покрыли всю его площадь, врезаясь одна в другую и являясь причиной чрезвычайной фрагментарности остатков жилых сооружений. Ещё по находкам прежних раскопок стало известно, что в качестве земледельческого орудия здесь употреблялся тяжёлый плуг, пригодный для обработки степных почв. Если пшеницу и просо; особенно много встречается остатков последнего. Разводилась и конопля. Непременной принадлежностью каждого дома были ручные ротационные жернова. Мясные и молочные продукты обеспечивало развитое скотоводство. Немалое значение имело и рыболовство.

Относительно ремесла и торговли раскопки 1949 г. ничего принципиально нового не

дали. Подтверждается высокое развитие гончарного искусства. Подавляющее большинство глиняной посуды, обнаруженной в слоях хазарского времени, сделано на гончарном круге. На днищах некоторых сосудов встречаются отпечатки клейм мастеров.

Культура населения Саркела хазарского времени близко сходна с культурой, известной по «катакомбным» могильникам Северного Кавказа и по таким же могильникам, расположенным между Доном и Донцом (Салтовско-Маяцкая культура). Характерный керамический комплекс этих могильников представлен в Саркеле всеми своими формами — и пузатыми кувшинами с чёрной поверхностью и орнаментом из слегка вдавленных полированных линий и серыми горшками с низким отогнутым венчиком и с поверхностью, почти сплошь покрытой горизонтальными бороздками и нередко с лентой волнисто-линейного узора под шейкою. Встречается и лепная керамика того же рода, что и представленная сборами, например, на Маяцком городище.

Северокавказскую и Салтовскую культуры, действительно близко сходные между собой, принято считать аланскими по этнической принадлежности. В последнее время, когда благодаря исследованию некоторых поселений этих культур выявилось преобладание здесь в керамических комплексах серых горшков с линейно-волнистым орнаментом, встал вопрос об отношении этого населения к славянам, поскольку керамика данного типа считается специфически славянской. Сейчас было бы преждевременным решать этот вопрос в окончательной форме. Заметим только, что связь указанных культур со славянской весьма вероятна, хотя из этого отнюдь не следует, что носители Салтовской и Северокавказской культур этнически родственны со славянами. Наоборот, совершенно очевидно их генетическое родство с сарматским населением наших степей. Вместе с тем ясно, что, несмотря на единство культурной традиции, во второй половине I-го тысячелетия существовали этнические различные группы — аланская и болгаро-хазарская. Провести границу между ними на основании археологических данных нелегко, потому что бесспорно хазарских памятников мы до сих пор не знаем и вынуждены судить о них, исходя из болгарских материалов. С этой точки зрения, вопрос об аланской принадлежности Саркела, во всяком случае, отпадает. Город был хазарским не только по политической принадлежности.

Заслуживает быть отмеченным большое количество фрагментов глиняных сосудов (котлов) с внутренними ушками для подвешивания — характерной болгарской формы, представленной и на Кубани, и в Приазовье, и на Дунае — везде, где пребывание болгар надёжно засвидетельствовано письменными данными. Этой формы зато вовсе нет в материалах Салтовской культуры, что может указывать на её неболгарскую принадлежность.

Среди керамики в Саркеле встречено много высоких буро-красных кувшинов с широкими тонкими ручками, имевших распро-

странение на Тамани и в Крыму. Зато типичные византийские амфоры с явственным тулзовым и невысоким горлом с расходящимися от него ручками довольно редки, несмотря на то, что производство их на месте засвидетельствовано находками образцов этого рода в гончарных печах.

К сожалению, до сих пор не удалось обнаружить возле Саркела могильника хазарского времени, вследствие чего мы лишены возможности представить наиболее убедительные данные относительно этнической принадлежности населения этого города. Несомненно, это был бескурганный могильник, подобный в этом отношении катакомбным могильникам салтовского и северокавказского типа. О характере погребений хазарского времени в Саркеле лишь очень приблизительное представление даёт захоронение младенца, устроенное в городе, в подобие под крепостной стеной. Рядом со скелетом найден сосуд, что вовсе не встречается в славянских погребениях Саркела. Отыскание могильника хазарского времени, который, судя по плотности заселения города, не мог не быть весьма значительным, остаётся важнейшей задачей экспедиции на будущее время.

Верхние слои Саркела не только относятся к русско-половецкому времени, но и представляют славяно-русскую культуру. Нельзя сказать, что между ними и слоями хазарского времени имеется резкая грань, что между теми и другими нет преемственной связи. Наоборот, ряд форм, свойственных хазарскому времени, продолжает бытовать и позже, в русское время. Так, например, буро-красные кувшины с тонкими плоскими ручками встречаются и в верхних отложениях города. Однако общий облик культуры в верхних слоях явно изменяется сравнительно с нижними и характеризуется типичными славянскими формами как в керамике, так и в других категориях вещественных памятников. Если даже серые горшки хазарского времени с линейно-волнистым орнаментом, казалось бы, являющиеся прямым славянским вкладом в культуру юго-востока нашей страны, заметным образом отличаются от собственно славянской керамики того же рода и того же времени, то в верхних слоях Саркела большинство керамических типов ничем не отличается от славянских. При наличии большого могильника с многочисленным инвентарём явно славянского типа не может быть никакого сомнения в том, что указанные выше перемены являются следствием появления в Саркеле нового, славяно-русского населения, в составе которого остатки прежних жителей города полностью растворились.

Появление славян в Саркеле, известном русской летописи под наименованием Белага вежа, очевидно, стоит в непосредственной связи со взятием этого города Святославом около 965 года. Борьба молодого Русского государства с хазарами закончилась разгромом последних и утверждением Руси на юго-востоке, в первую очередь на важнейшем узле морских торговых путей — Керченском проливе (Тмутаракань). Повидимо-

му, в тесной связи и одновременно с этим началась русская колонизация Нижнего Дона. Следует со всей категоричностью подчеркнуть, что это была не земледельческая колонизация, но освоение степи крестьянами-пахарями. Саркел — Белая вежа русского времени — отнюдь не деревня. Это был для своего времени значительный город с развитым ремеслом и широкой международной торговлей. Конечно, жители его занимались и сельским хозяйством. Но в каком же средневековом городе население не занималось им? Важно, что они не ограничивались сельским хозяйством; последнее было лишь необходимым условием для других, более важных занятий — торговли и ремесла.

В отложениях Белой вежи во множестве встречаются литейные формочки, тигли, льячки, шлаки, слитки и обрезки металла и другие следы ювелирного и кузнечного производства. При раскопках 1949 г. обнаружены кузнечный горн и печь для выплавки металла с солом для дутья. Найдены горны для обжига посуды. В составе находок имеются вещи самого разнообразного происхождения, свидетельствующие о связях Белой вежи и с Киевом, и с Кавказом, и со Средней Азией, и с Византией. Несомненно, что население города в полной мере использовало выгодное положение его на перекрёстке важнейших путей — сухопутных и речных, — а своим ремесленным производством обслуживало в первую очередь потребности окружающих его кочевников. Белая вежа явно играла очень важную роль в культурном и политическом отношении в качестве русского форпоста в самом сердце степей юго-востока.

Плотность застройки города в русское время была ещё большей, чем в хазарский период. И население в нём стало больше. Но город не выходил за прежние границы и в основном оставался в пределах кирпичных оборонительных стен. Только в северной своей части он, как и в прежнее время, занимал небольшой застенный участок берегового мыса, отделённого широким и глубоким рвом с напольной стороны.

Кирпичные сооружения Саркела, пострадавшие ещё в предшествующее время, широко использовались в качестве каменоломен. Многочисленные печи в деревянных или саманных домах русского периода, как правило, сложенные из старых саркелских кирпичей. Последние широко применялись также для разного рода выкладок, для облицовки стенок погребов и для каких-то других сооружений, назначение которых ещё не выяснено. Во всех случаях кладки из старых кирпичей сложены на глине или насухо. Несмотря на основательное разрушение старого кирпичного города, что явствует из многочисленности кирпичей, найденных во вторичном употреблении, оборонительные стены или хотя бы значительные остатки их продолжали существовать и в русское время, в какой-то мере выполняя своё основное назначение и являясь вместе с тем границей поселения. Остатки недолговечных, часто разрушавшихся и горевших построек, снова и снова возводившихся

на одном и том же месте как в хазарское, так и в русское время, заполняют пространство внутри крепостных стен на высоту до трёх метров над древним уровнем почвы, причём в ряде случаев явно поздние русские сооружения были пристроены к оборонительной стене. Очевидно, разрушению подверглись в первую очередь не стены, а кирпичные здания внутри города да, возможно, северо-западная стена, оказавшаяся внутри поселения.

Откуда явилось русское население Белой вежи, остаётся неясным. В слоях второй половины X в. в большом количестве находится характерная лещяка керамика роменско-боршевского типа, но такая керамика, как известно, была распространена почти по всей области расселения восточных славян. В городище найдено радимичское семилучевое височное кольцо, но комплексы украшений, находимые в погребениях, не соответствуют ни радимичской, ни какой-либо другой из славянских племенных групп. Громадный могильник Белой вежи представляет все признаки городского кладбища, в котором племенные особенности уступили место общерусским христианским формам погребения. Это могло произойти с тем большей лёгкостью, чем слабее были племенные погребальные традиции у колонистов и чем разнороднее было их происхождение.

Замечательно, что русские поселенцы в Белой веже некоторое время ещё хранили традицию курганного погребения, но в чрезвычайно своеобразном виде. Вместо небольших курганов, распространённых в исконных русских областях, здесь для погребений сооружались большие удлинённые насыпи, в которых и устраивались могилы, причём количество погребённых в одной такой раскопанной полностью насыпи доходило до 230. Сотни погребений находились и в других курганах-кладбищах. Особо надлежит отметить, что эти курганы возникли не путём постепенных подсыпок по мере увеличения в них числа погребений, а были сооружены одновременно. Таким образом, мы наблюдаем традицию коллективных захоронений, в других славянских памятниках известную только в курганах с трупосожжением, к тому же в неизмеримо более скромных масштабах.

Курганы-кладбища содержат наиболее ранние погребения русского населения Белой вежи, хотя они, несомненно, служили для захоронений до самого конца существования этого города. Позже в качестве места для погребений был использован также древний, ещё хазарского времени вал, ограждающий мыс, на самой оконечности которого находилась кирпичная крепость. Вал сильно деформирован погребениями, точнее говоря, превращён в ряд курганов-кладбищ. Далее, погребения располагались на огромном незаселённом дворе городища, между валом и кирпичной крепостью. Особенно же их много у самых стен крепости, между нею и рвом. На территории городища погребения расположены длинными правильными рядами, тянущимися с севера на юг, и не отмечены земляными насыпями.

Над ними иногда устанавливались надгробные памятники, о чём свидетельствует грубо высеченный из песчаника надмогильный крест, найденный при раскопках 1949 года.

Покойники хоронились в деревянных гробах, сколоченных железными коваными гвоздями. Нередко в одном и том же гробу обнаруживаются скелеты двух покойников, причём кости первого из погребённых оказываются сдвинутыми в сторону, к одной из стенок гроба. По сравнению с другими русскими городскими кладбищами погребения Белой вежи отличаются большим богатством, хотя инвентарь встречается далеко не во всех могилах. Чаще всего различного рода украшения находятся в детских могилах, реже в женских и весьма редко в мужских. В составе инвентаря следует отметить височные кольца или серьги, нередко золотые или серебряные. Они обычно согнуты из более или менее толстой проволоки. Встречаются серьги с надетой на кольцо оvoidальной бусой, перехваченной поперёк плоским пояском. Такие серьги встречаются и в мужских могилах, обычно в одном экземпляре. Очень разнообразны и красивы ожерелья из каменных (сердоликовых, хрустальных), стеклянных и пастовых бус с привесками и крестиками из янтаря, лапис-лазури и перламутра. Обнаружены браслеты — серебряные со вставками на концах или чаще стеклянные, иногда по несколько пар; многочисленны бронзовые или серебряные пуговки. Замечательно, что ни в одном из сотен раскопанных погребений не найдено сосудов с пищей покойнику. Очевидно, этот языческий обычай перестал соблюдаться.

Описанные погребения в большинстве относятся к XI в., но среди них есть и более ранние — X в., и более поздние, датируемые, по меньшей мере, началом XII века. В этих же хронологических рамках уместаются материалы русской культуры, найденные в городище. Все это хорошо согласуется с теми датами в отношении Белой вежи, которые имеются в русской летописи. Как сказано выше, русское заселение города надо отнести ко времени после взятия Саркела Святославом. Что же касается конечной даты существования города, то она определяется летописью 1117 годом, когда, по её словам, беловежцы переселились на Русь.

Археологические данные блестяще подтверждают точность летописного сообщения. Нетрудно определить и причину оставления города его населением. Последний период в жизни Белой вежи был весьма беспокойным; город часто подвергался вражеским нападениям. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют следы разрушений и пожаров в городище, скелеты погибших при этом людей, оставшихся под развалинами построек в положении, свидетельствующем о внезапной насильственной смерти. Среди погребений в могильнике нередко встречаются скелеты со следами ран, нанесённых холодным оружием. У одного, например, в лопатке оказался железный наконечник копья, пробивший её насквозь и застрявший в рёбрах. В других случаях

ясно видны следы, оставленные сабельными ударами на костях черепа или на костях рук и ног.

Замечательная находка, свидетельствующая о тревожном и опасном положении города, сделана в одной из мусорных ям в верхних слоях городища. Там оказался большой горшок, наполненный, судя по шелухе, просом, среди которого находился очень богатый для своего времени клад в виде женского убора, состоявшего из кожаного пояса, сплошь покрытого серебряными бляшками, ожерелья из арабских серебряных диргемов, сердоликовых и пастовых бус, и, видимо, из головного убора, остатками которого являются многочисленные бронзовые позолоченные бляшки. Владелица этого убора, видимо, во время тревоги положила свой драгоценности в горшок с просом и спрятала его в наиболее, как ей казалось, безопасное место — в мусорную яму — и, должно быть, погибла во время вражеского нападения, так как клад остался не вынутым из его временного хранилища.

Опасными соседями Белой вежи были половцы, со второй половины XI в. ставшие хозяевами степей. Однако было бы неправильно полагать, что отношения их с беловежцами оставались всегда враждебными. Наоборот, в городище и в особенности в могильнике Белой вежи находим мы множество указаний на тесные, дружественные связи между беловежцами и половцами. Белая вежа, несомненно, играла важную роль в обслуживании половецких вождей произведениями ремесла и держала в своих руках торговлю с кочевниками Подонья. Половцы если и не жили постоянно в самом городе, то часто прикочёвывали к нему, о чём свидетельствует довольно значительный половецкий курганный могильник, расположенный возле курганного русского кладбища за валом городища. Он состоит из небольших насыпей, чаще всего с одиночными могилами, в которых с человеческим скелетом, сопровождаемым часто оружием в виде железных наконечников стрел и иногда сабель, обычно находятся кости коня и принадлежности конского снаряжения в виде удила и металлических частей седла. Погребения с элементами половецкого обряда встречаются и в русском кладбище, причём большинство их явно женские, что свидетельствует о браках беловежцев с половецкими. Так, например, в одном из курганов-кладбищ встречено несколько женских погребений, сопровождаемых в одном случае головою лошади, а в другом костями лошадиных конечностей, очевидно, оказавшихся в могиле вместе с лошадиной шкурой. В этих, а также и других погребениях найдены части конского снаряжения, причём черепа погребённых во всех этого рода случаях носили ясно выраженные монголоидные признаки. Черепа монголоидного или смешанного типа встречаются и в обычных для Белой вежи русских по обряду погребениях. Таким образом, связи беловежцев с половцами не ограничивались внешними отношениями, а проникали глубоко в область семейного быта.

Тем не менее город нередко жестоко страдал от половецких набегов. Мы, конечно, никогда не узнаем, были ли эти нападения результатом временной ссоры между беловежцами и их кочевыми соседями или следствием феодальных распр между самими половцами. Остаются также неясными отношения беловежцев с русскими княжествами и их роль в той междоусобной борьбе, к которой половцы привлекались в качестве активных участников. Надо полагать, что беловежцы никогда не порывали связей с Русью, что, оказавшись затерянными в половецком море, они жили общей жизнью со своей родиной. Этим и объясняется переселение беловежцев на Русь, когда условия для дальнейшего пребывания русской колонии в степях стали невыносимыми, когда прервались те экономические и политические связи, которые составляли смысл их существования на далёкой окраине.

Едва ли, конечно, все беловежцы переселились на Русь. Часть их вместе с другими остатками русского населения Нижнего Подонья, тесно связавшаяся с половцами и сроднившаяся с ними, вероятно, осталась на месте, и из неё составились бродники. Белая вежа в XII в. запустела и постепенно превратилась в то городище, которое доньше выситя в виде плоского холма на низком левом берегу Дона. Прихотливо блуждающая среди своей широкой долины река далеко отошла от городища, оставив возле него только следы древнего своего русла в виде ложбин, поросших камышами, да небольшие озёр со столетними ивами по берегам.

Самым поздним памятником, обнаруженным экспедицией при исследовании городища и могильника возле хутора Попова, является татарское (монгольское) погребение XIII в., впущенное в славянский курган.

Оно имеет вид большой, заваленной взятыми с городища кирпичами ямы с двумя узкими подбоями в одной из стенок, куда и были втиснуты покойники. Никаких следов постоянного населения в это время в Белой веже не найдено.

Несмотря на небывало большой размах раскопок в 1949 г., выполнена только часть работы, которую надлежит произвести для полного изучения Саркела — Белой вежи. Основное внимание экспедиции в этом году было направлено на исследование могильника и оборонительных сооружений города. Городище захвачено раскопками только в сравнительно небольшой части, примыкающей к западному углу крепости. В дальнейшем предстоит раскопать те части городища, где должны сохраниться остатки первоначальных кирпичных построек, находившихся внутри города, и, в частности, того здания, скорее всего церкви, мраморные архитектурные детали которого находились и раньше и встречены при раскопках 1949 года.

Раскопки Саркела — Белой вежи вписывают новые яркие страницы в древнюю историю нашей Родины. Они вплотную подводят нас к пониманию внутреннего строя и культуры Хазарского каганата, важная роль которого не только в мировой истории, но и специально в истории древнерусского государства учтена ещё далеко недостаточно; они доставляют нам обильный материал для изучения взаимоотношений Руси со степью и древнейшей русской колонизации Нижнего Подонья. Дальнейшие исследования Саркела — Белой вежи и других памятников Цымлянского района, несомненно, принесут важные данные и по ряду других вопросов истории нашей страны.

М. Артамонов